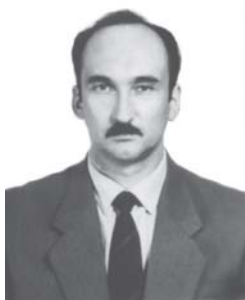

ЖЕНЬШЕНЬ, ТИГР И ОХОТА

ДВОЙНАЯ МОРАЛЬ ТАЕЖНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Виктор Владимирович ГАПОНОВ,
кандидат биологических наук

Из всего наследия двадцатого века самым скрытым, а соответственно опасным для нормальной жизни современного общества явлением, стали двуличие или дефицит совести. Это, вне всяких сомнений, главный бич многих проблем современности.

Алвин Тоффлер в книгах «Future Shock» и «Third Wave» обосновал двойную мораль как неизбежный продукт индустриального общества, конфликт между внутренней сущностью потребителя и производителя. К сожалению, эта неприглядная черта современного общества в той или иной степени определила характер природопользования и на территории современного Приморского края.

Необходимость выживания местного населения в несовершенном обществе с начала 30-х годов особо обострила двойную мораль в использовании природных ресурсов. С этого времени чиновничий аппарат, местное население и природа стали жить по своим законам, не учитывающим интересы друг друга.

«Идеальным» образцом двойной морали в обществе по использованию природных ресурсов является женьшень. Наибольшие объемы его официальных заготовок приходятся на 60-е годы. (В 1960 г. было заготовлено 305,7 кг; 1966 — 386,0 кг, в 1967 — 313,9 кг. Это был пик официальных заготовок корней дикорастущего женьшеня. В последующем объемы его заготовок значительно изменялись. Если с 1966 по 1970 г. (пятилетие наибольших поступлений корней дикорастущего женьшеня на заготовительные пункты) в среднем заготавливалось 270,3 кг, то с 1981 по 1985 г. среднегодовые заготовки составили 40,0 кг, а с 1991 по 1995 — 50,1 кг. Теневой, или нелегальный, женьшеневый рынок существовал со второй половины двадцатого столетия. Так, в 1954, 1955 и 1956 гг. около 40 корневищников (людей, промышленяющих женьшень в тайге. — В.Г.) по р. Нотто (Журавлевка) Чугуевского района сдавали ежегодно в Самарское сельпо от 10 до 12 кг дикорастущего женьшеня при плане 4,8 и 3,5 кг. Но в это же время, по материалам охотэкономического обследования, в бассейне р. Нотто не менее двух третей женьшеня уже скупалось частными лицами, минуя заготовительные пункты (Войлочников, Кузнецов и др., 1958).

В 80-е годы на территории Приморского края ежегодно фактически выкапывалось около 450 кг корней дикорастущего женьшеня, большая часть кото-

рого продавалась внутри Советского Союза по ценам в 1,5—3,0 раза выше официальных закупочных (Леоненко, 1990). В 1978 г. дикорастущий женьшень заносится в Красную книгу СССР. Однако никакого позитивного влияния на увеличение его запасов этот факт не оказывает. Краснокнижность уникального растения только нанесла ущерб его ресурсам и обострила социальную обстановку среди местного населения.

С 1991 г. спрос на дикорастущий женьшень стал неограниченным. Цены теневого рынка определили массовый наплыв населения в женьшеневые урочища на поиски корней. «Сбор урожая» был особенно впечатляющим в 1992, 1995 и 1998 гг. Как показал доверительный опрос местного населения, ежегодно выкапывалось и контрабандой переправлялось в Китай около 1500—2000 кг корней дикорастущего женьшеня. Данные объемы полностью подтвердили неофициальные источники с азиатско-тихоокеанских рынков. Причем в это же время официальные заготовки составили всего 70,5 и 27,0 кг, а в 1998 г. был установлен официальный запрет на заготовку корней этого растения. После бессмысленных официальных запретов корневи в 1999 г. вновь возобновился его легальный промысел, и лесхозами края было заготовлено 5,2 кг корней. Правда, в этом году вследствие плохой всхожести и, вероятно, подрыва ресурсов, контрабандные поступления корней женьшеня сократились не менее чем в два раза по сравнению с 1998 г. На этом же уровне они остались в 2000 г., когда ни одно из краевых учреждений не оказалось готово проводить его приемку, и официально промысел женьшеня в крае не проводился. Как ни парадоксально, но все запретительные меры в итоге оказались направленными против местных жителей и самого женьшеня. Двойная мораль стала главным бичом этого растения.

Женьшень — специфичный, фоновый ресурс южноуссурийской территории. Причем понятия дикорастущего и дорощенного корня очень условные. Между ними находится золотая середина таежного женьшеневодства — отрасль, монополия на которую может принадлежать только России. Территория современного Приморского края обладает площадями, пригодными для естественного произрастания женьшеня настоящего в объемах, по своей стоимости способных обеспечить в будущем безбедное существование половины населения края. Для этого необходима лишь самая малость — изжить двойную мораль в обществе и сделать местных жителей полноправными хозяевами своей территории. Только тогда решение множества юридических, природоохранных, научных, технологических и прочих вопросов, направленных на благо этого растения и жителей, проживающих в местах его произрастания, может иметь смысл.

В чем-то схожая ситуация сложилась и с амурским тигром. Высокий спрос на мертвых тигров и вред, причиняемый хищниками домашним животным, явились основной причиной, поставившей на грань существования данный вид к концу 30-х годов XX в. Отсутствие спроса на тигриную продукцию, а также ликвидация около двух тысяч населенных пунктов в современном ареале тигра в последующие годы обеспечили выживание и рост численности этой популяции. Именно социальные процессы в обществе определяли судьбу тигра. Формальные запреты были большей частью игрой ученых и чиновников. С середины XX столетия начинается скрытое противостояние двух конкурентов — тигра и охотника. Охотнику опасный конкурент был не нужен и при возможности тигр просто уничтожался. В начале 90-х годов вновь появился неограниченный спрос на шкуры и кости тигра, что возродило целенаправленную охоту на это животное. К защите тигра подключились многие, в том числе и международные фонды. Причем «спасение» тигра осуществлялось на самых высоких уровнях — федеральном и международном. 7 августа 1995 г. за

№ 795 принимается постановление правительства Российской Федерации «О сохранении амурского тигра и других редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных и растений на территориях Приморского и Хабаровского краев». По инициативе Всемирного фонда дикой природы (WWF) разработана и 24 июня 1996 г. министром Российской Федерации по охране окружающей среды и природных ресурсов В.И. Даниловым-Данильяном утверждена Стратегия сохранения амурского тигра в России (далее Стратегия).

Этого оказывается недостаточно, и постановлением правительства России № 843 от 8 июля 1997 г. утверждается федеральная целевая программа «Сохранение амурского тигра (1998—2003)», ставящая во главу угла не только пресечение браконьерства и предотвращение разрушения среды обитания, но также восстановление и поддержание необходимой численности диких копытных животных — естественной кормовой базы тигров.

Каковы же результаты? В Стратегии была поставлена цель — достичь поголовья взрослых тигров только на территории Приморского края 425—510 особей. А стабильное поголовье изюбря, кабана, косули, пятнистого оленя и лося в ареале тигра должно быть в количестве 190—230 тыс. особей. На февраль 1996 г. на территории Приморского края численность взрослых тигров была определена в количестве 282—318 особей и 90700 его основных жертв — кабана, изюбря, косули, лося и пятнистого оленя. В дальнейшем численность тигра и этих видов имела тенденцию к некоторому снижению. Как указано в проекте программы Приморского края «Сохранение и увеличение ресурсов диких копытных животных в ареале амурского тигра и дальневосточного леопарда на 2003—2010 годы», по сведениям Государственной службы учета охотничьих ресурсов, суммарная численность копытных — потенциальных жертв хищников — в Приморском крае на 2002 г. составила около 80—90 тыс. особей. Отсюда можно сделать вывод — или Стратегия нереальная, или ничего существенного не делалось по ее выполнению.

По данным Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Приморского края (далее Приморкрайохотуправление), плотность обитания на территории, заселенной видом в особях на 1 тыс. га, в среднем составляет: изюбрь — 2,0; кабан — 2,1; косуля — 2,6; пятнистый олень — 3,5; лось — 1,9. Много это или мало и реально ли достижение запланированной в Стратегии численности копытных и тигров?

Анализ источников (Алмазов, 1890; Капланов, 1948 и др.), а также определение оптимальной и хозяйственно-целесообразной численности копытных (Дарман, 1986; Гапонов, 1991; Мысленков, 2000) позволяют предположить, что численность косули по ее основным биотопам на территории современного Приморского края должна составлять от 20 до 120 особей, а изюбря от 9 до 42 особей на 1 тыс. га. Былому изобию диких животных в уссурийских лесах просто изумляешься, когда знакомишься с масштабами промысла тех лет. По данным В.К. Арсеньева, в 80—90-х годах XIX столетия китайские звероловы добывали здесь ежегодно до 40 тыс. пятнистых оленей и изюбрей, вместе взятых, а также до 100 тыс. кабарог. Да, промысел был истощительным, но какова же численность копытных животных была в те годы!? К.Г. Абрамов указывал, что еще в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. с хребта Сихотэ-Алиня ежегодно поступало в заготовку до 4000 лобовых пантов изюбря. А это значит, что и 100 тыс. особей изюбря для охотничьих угодий Приморского края далеко не предел. Что касается всех копытных, потенциальных жертв тигра, то их оптимальная численность в крае никоим образом не может быть ниже 300 тыс. особей.

Последние 30 лет XX в. численность копытных животных в крае условно относительно стабильна. Но стабильна на очень низком уровне. Именно по этой причине еще в начале 80-х годов промыслово-охотничьи хозяйства края были охарактеризованы мной как антиохотничьи (Гапонов, 1984). Можно с уверенностью констатировать, что популяции копытных во многих районах находятся в угнетенном состоянии, в пределах нижнего рубежа их численности, за которым может произойти развал, гибель систем, именуемых популяциями. По инициативе автора в 1988 и 1993 гг. в крае по каждому хозяйству имелась минимальная цифра численности диких животных, ниже которой охотиться не рекомендовалось. Но против этого восстал государственный специально уполномоченный орган по рациональному использованию охотничьих животных в Приморском крае, каким в настоящее время является Приморско-крайохотуправление. В итоге продолжала существовать практика, когда на территории какого-нибудь хозяйства, независимо от качества угодий, обитала одна треть или половина изюбря в расчете на одну тыс. га, и это хозяйство получало лицензии на его отстрел.

Роль государства в лице Департамента по охране и развитию охотничьих ресурсов Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (далее Департамент) по развалу охотничьего хозяйства и моральной дезорганизации жизни российской глубинки сравнима с таковой для сельского хозяйства при проведении коллективизации. Различия могут быть только в масштабах и методах. По оценке одного из самых компетентных специалистов охотничьего хозяйства России, деятельность Департамента, хочет он того или нет, объективно ведет к разрушению охотничьего хозяйства и противоречит интересам государства (Гусев, 2000). Двуличность данной конторы привела к обезличке угодий и массовому браконьерству. Негативная роль государства в охотничьем хозяйстве России в целом была достаточно полно раскрыта на XI съезде ассоциации «Росохотрыболовсоюз», проходившем в Москве 29 ноября 2001 г.

В Приморье данный негатив получил свое развитие в силу природных и личностных особенностей. В первую очередь здесь любые «охранные» решения принимались без учета интересов и рядового охотника, и тигра. Постоянно игнорировался тот факт, что в высокоорганизованном охотничьем хозяйстве, где охотник заинтересован в увеличении численности тигра, гарантия сохранения последнего значительно повышается, а риск гибели от непредсказуемых природных катаклизмов (бескормица, глубокоснежные зимы и др.) по сравнению с заповедными территориями снижается на порядок. Но для этого необходимо укрепление охотничьих хозяйств через внедрение эффективных механизмов финансирования и в первую очередь самофинансирования. На практике же все происходило наоборот. Более того, Приморско-крайохотуправлением принимаются усиленные меры по обезличиванию охотничьих угодий и их переводу в так называемые угодья общего пользования.

Численность амурского тигра есть фактическая, а есть формальная, удобная для тех, кому выгодно иметь данное число тигров. Так вот, с 1985 г. эти цифры чаще всего различались в два раза (Кучеренко, 2001). В 1986 г. фактическая численность амурского тигра достигла максимально возможной при сложившейся социальной обстановке и отношении к нему местного населения. В это время на территории Приморского края обитали не менее 375—415 тигров (Брагин, Гапонов, 1989). В дальнейшем фактическая численность тигра здесь оставалась относительно стабильной. Учет 1996 г. показал, что в Приморье обитает не менее 351—415 тигров. Результаты учета привели мно-

гих «охранников» в легкий конфуз, быстро перешедший в попытку присвоить себе в заслугу столь «резкий рост» численности зверя. В то же время сложившаяся ситуация, во-первых, поставила под сомнение эффективность занесения амурского тигра в 1987 г. в первую категорию Красных книг МСОП и России (СССР), а во-вторых, показала, что все это время ежегодно только в Приморском крае погибало около 150 тигров.

При создании благоприятных условий численность амурского тигра за пять лет способна возрасти в два раза (Смирнов, 2000). Для этого необходимо малое — оптимизировать охотопользование, создав достойные в правовом и организационном плане условия для коллективов охотников, и изжить биологическое изуверство (по О.К. Гусеву, 1993), столь пропагандируемое «позелевшими» тигрятниками (Кучеренко, 2001).

Проигнорировав вышеизложенное, Стратегия изначально оказалась «нежизненной». Согласовывая проект постановления правительства Российской Федерации и проект федеральной целевой программы «Сохранение амурского тигра», администрация Приморского края письмом от 25.12.1996 г. отмечала, что проект программы не разрешает основных противоречий между местным населением и тигром, что делает всю программу малоэффективной. Администрация края ошибалась — программа, и Стратегия оказались вообще неэффективными.

Все вопросы таежного природопользования относятся к сфере социальных проблем, вследствие чего, раскрывая их, нельзя умолчать о деятельности профильных контор. К сожалению, критерий оценки работы «государственных специально уполномоченных органов» (как любят подчеркивать сами чиновники) далеко не совершенен. Подтверждением этому является численность диких животных в угодьях края. То, что существующая лицензионная система при российской действительности абсолютно абсурдна, ни для кого не секрет, и не видеть ее может лишь Охотдепартамент по причине того, что лицензии на отстрел диких животных — это для его работников хлеб насущный (Данилкин, 1999). По данным Восточносибирской охотостроительной экспедиции, в бассейне истоков р. Уссури с 1965 по 1969 г. включительно соотношение закрытых лицензий к фактически добытым диким животным составляло: изюбрь — 1:20; кабан — 1:15; косуля — 1:30. Думаю, что данное соотношение сохранялось все последующие годы. Но система незыблема, так как разовая лицензия — это кормовая карточка чиновника, который ею распоряжается. Именно с этой целью, а не в интересах охотничьего хозяйства и всего местного населения практически в течение всего года появляются вымышленные виды охот. Охота «панты», «на реву», «для котлового довольствия» оказывает благотворное влияние только на чиновников, которые ею формально руководят. Популяциям диких животных и рядовым охотникам они вредны. По настойчивой инициативе Приморкрайохотуправления ежегодно с 1 июля по 1 сентября в крае производился отстрел изюбрия, кабана, лося, пятнистого оленя, косули и медведя для котлового довольствия. Причем с формулировкой «с целью организации общественного питания работников таежных экспедиций и изыскательных партий, сборщиков дикоросов, отрядов и групп охотничьего надзора». Фиктивность этого аргумента видна по всем позициям. Впервые, кормить отряды и группы охотничьего надзора мясом диких животных в июльскую и августовскую жару — это кощунство. Тем более, что нужные начальнику краевого управления работники из охотнадзора всегда имели разрешение на отстрел диких животных «для спецмероприятий». Настоящие охотники из местных жителей в это время года на этих животных никогда не охотятся. Во-вторых,

организованных сборщиков дикоросов, а тем более для нужд государства, последние десять лет просто не существует. И, в-третьих, запрос комитета по природным ресурсам администрации Приморского края в адрес всех экспедиций, которые вели изыскательские работы в отдаленных районах края, показал, что ни одна из них лицензии на котловое довольствие в 1999 г. не получала.

В действительности лицензии выделялись для котлового довольствия друзей и нужных людей начальника Приморскрайохотуправления. Все годы работала своеобразная «статусная рента», созданная несовершеннолетней нормативной правовой базой и отсутствием зрелого гражданского общества. Аналогичной в деле охраны природы была позиция Государственного комитета по охране окружающей среды и природным ресурсам Приморского края (далее Госкомэкология края). Создание при ней Государственной экологической экспертизы явилось ничем иным, как чиновничьей пародией на объективность. Эксперты подбирались по личной преданности или по зависимости от чиновника и полностью выполняли его заказ. Внесение белогрудого медведя в Красную книгу РСФСР в 1981 г. вряд ли было оправданным, так как имело популярное содержание. Но проведение осенне-зимних сезонов охоты на белогрудого медведя в 1998—1999 и 1999—2000 гг. при отсутствии соответствующих правил охоты кроме как преступным назвать нельзя. Наплыв «медвежатников» в уголья резко возрастал с 15 января по 15 февраля, когда официальная охота на копытных уже была закрыта, а в берлогах только-только рождались медвежата. Так, при одобрении экологической экспертизы преступная халатность двух контор явилась причиной уничтожения многих десятков молочных медвежат-белогрудок, эти же самые чиновники просили от международных фондов средства для создания медвежьих реабилитационных центров.

Все 90-е годы сговор в личных интересах двух чиновников федеральных структур определял плачевную судьбу как тигра, так и его жертв. В результате эффективность всех «освоенных» на охрану диких животных средств оказалась равной нулю. В эти годы среди населения особенно укоренилось убеждение в том, что не руководители данных структур служат интересам природы и местных жителей, а население и природа являются средством удовлетворения корыстного благополучия этих людей. Подтверждением изложенному явилась реакция чиновников на Указ Президента от 17 мая 2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» упраздняющий Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды и Федеральную службу лесного хозяйства России как самостоятельные чиновничьи структуры, чьей личной судьбы он касался. Мы не ставим целью одобрять данную реформу или критиковать ее. Просто хотелось обратить внимание, как ликвидация данных контор высветила стремление чиновников сохранить свои должности за счет спекуляции природоохранными проблемами. Аналогичная реакция через подставных лиц (Самойлов, Коробецкий, 1999), но по тем же самым причинам последовала на мою статью, раскрывающую истинное положение дел в охотничьем хозяйстве края (Гапонов, 1999).

Не избежали двуличности и «тигрятники» — научные работники, посвятившие многие годы изучению тигров (Кучеренко, 2001). Были случаи, когда один и тот же ученый на научных форумах ратовал за закрытие всех охот, включая охоту на бурого медведя, но, являясь экспертом Госкомэкологии Приморского края, ежегодно делал неизменное заключение, что охотиться необходимо, и первым стремился получить лицензию (а лучше — разрешение в «научных» целях) на отстрел диких животных. Одним из вопросов, исходивших

от работников науки и порождавших двойную мораль в обществе, явилось влияние рубок леса на состояние диких животных. Еще в 1963 г. В.К. Абрамов указывал, что основной причиной сокращения численности белки в Приморье являются рубки кедра. Но жизнь сама опровергла это утверждение. Несмотря на то, что наибольшие заготовки кедровой древесины пришлось на семидесятые годы, максимальная численность белки в крае имела место в 1977 и 1987 гг. Кроме того, практика показала, что рубки кедра отрицательно не сказываются и на поголовье соболя, численность которого за последние сто лет достигла пика именно к 80-м годам. В 80-е годы я неоднократно выступал в печати против творившегося лесозаготовительного беспредела (Гапонов, 1985; Гапонов, 1986 и др.). В том числе писал о так называемых рубках ухода или санитарных рубках, которые считаю социальными перекосами в ведении лесного хозяйства. Что касается самого воздействия на биоценозы, то упорядоченные рубки леса, особенно имеющие целевую биотехническую направленность, оказывают исключительно благоприятное воздействие на диких животных и не только копытных. Вопрос не в том — что рубить, а кому от этого польза? В то же время животные и рубка леса всегда были беспроблемной спекулятивной картой популистов от природы.

В советские времена охрана природы в основном являлась средством для выяснения отношений между чиновниками (и мелкими служащими) разных ведомств. В постсоветский период на исходе века данные отношения приобрели более меркантильный характер — пошел личный дележ природного пирога. Но в отличие от прошлой социально-политической эпохи в новое время стала проявляться солидарность между чиновниками в борьбе с теми, кто решил защищать свои гражданские права. Конец XX в. стал парадоксальным: основной вред охотничьему хозяйству наносили те, кто по своим должностным обязанностям должен был служить ему. Вынужденное браконьерство местных жителей являлось ничем иным, как выбором между личной нуждой и государственной глупостью. Ведь тот, кто в народном классическом понимании является браконьером, т. е. наносит ущерб природе, как раз официально браконьером не считается, так как имеет необходимый, выданный чиновниками разрешительный документ. Формально браконьером стал считаться тот, кто неугоден чиновникам от охоты. В XX в. местные жители были лишены права на владение территорией, которая их окружала, и, соответственно, не заинтересованы в воспроизводстве таежных ресурсов. В то же время они были вынуждены формально незаконно использовать эти ресурсы. «Интересы» местного населения и тигра, местного населения и женьшеня, местного населения и диких животных не совпадали с интересами чиновников и популистов от природы. Двудличие или некомпетентность огромной массы современных охранников природы, так называемых «зеленых», которым как никому нужны именно проблемы, а не их решение, являются одним из основных тормозов конструктивного решения природоохранных задач.

На рубеже XX и XXI вв. возник еще один парадокс, полностью исключаящий ведение интенсивного охотничьего хозяйства — чем больше охотинспекторов, тем меньше животных, которых они охраняют. Охотинспекторы, милиционеры, работники прокуратуры, судьи и прочие «служащие», чей статус позволяет безнаказанно промышлять в угодьях, полностью сводят на нет любые усилия охотничьих хозяйств по увеличению численности диких животных. А у последних один спаситель — недоступность угодий для человека. Чем физически труднее добыть животное и доставить мясо с угодий, тем у животных больше возможности остаться живыми.

Ушел в прошлое XX в., но он еще очень прочно держит всех пуповиной порожденных ранее проблем. Эти проблемы не только не уменьшаются, но все разрастаются, принимая угрожающие формы. По этой причине он достоин самого пристального, критического осмысления. В полной мере это относится к таежному природопользованию, бичем которого продолжает оставаться двойная мораль, порожденная человеческим обществом.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов К.Г. 1954. Копытные звери Дальнего Востока. Хабаровск.
- Абрамов В.К. 1963. Причины сокращения численности белки в Приморье // Труды Сихотэ-Алинского гос. заповедника. Вып. 3. Владивосток.
- Алмазов И. 1890. Рассказы южноуссурийского охотника // Природа и охота. № 4: 73—103.
- Арсеньев В.К. 1914. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 99. Л. 143. С. 101—103.
- Брагин А.П., Гапонов В.В. 1989. Проблемы амурского тигра // Охота и охотничье хозяйство. № 10: 12—16.
- Бесчастнов Э. Кто сделал меня вором? // Приморье. г. Владивосток, 1997. 12 июля.
- Борисовский П. 2000. экологический подлог. Чиновники сливаются с природой // Зеленый мир. № 26 (346). С. 4.
- Войлочников А.Т., Кузнецов А.П. и др. Отчет Приморской экспедиции ВНИИЖП о результатах обследования Пожарского, Чугуевского, Тернейского и Ольгинского районов с целью выбора территорий и экономического обоснования организации на них комплексных промыслово-охотничьих хозяйств Приморского крайпотребсоюза. Владивосток, 1958. 33 с. (Рукопись).
- Гапонов В.В. 1984. Комплексно использовать ресурсы лесов // Охота и охотничье хозяйство. № 1: 8—9.
- Гапонов В.В. Леса кедровые. Почему они так быстро редеть? // Сельская жизнь. М., 1985. 10 марта.
- Гапонов В.В. Цена кедрового кубика // Сельская жизнь. М., 1986. 24 дек.
- Гапонов В.В. 1991. Оптимальная численность изюбра в Уссурийских лесах // Лесное хозяйство. № 5: 44—45.
- Гапонов В.В. 1999. Как выбраться из-под обвала // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 6.
- Гусев О.К. 1993. «Истреблять всегда и везде» // Охота и охотничье хозяйство. № 2: 1—3.
- Гусев О.К. 2000. Последний год XX века: что делать? // Охота и охотничье хозяйство. № 1: 1—2.
- Данилкин А. 1999. Благородный олень. // Охота и охотничье хозяйство. № 12: 4—6.
- Дарман Ю.А. 1986. Биология косули Хинганского заповедника: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.
- Капланов Л.Г. 1948. Тигр. Изюбрь. Лось. М., МОИП.
- Кучеренко С.П. 2001. Амурский тигр на грани столетий // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 20—24.
- Леоненко Д.Г. Женьшень и валюта // Красное знамя. Владивосток, 1990, окт.
- Леонтьев Э. 2000. «Эти серийные браконьерские охоты» // Зеленый мир. № 26 (346).
- Мысленков А.И. 2000. Экология изюбра в Сихотэ-Алинском заповеднике: Докл. на международном семинаре. Пос. Терней. 12—16 апр. (в печати).
- Проект внутривладельческого охотустройства Чугуевского коопзверопромхоза. Хабаровск, 1970. Т. 2.
- Самойлов В.И., Коробецкий И.П. 1999. Так из-под обвала не выбраться // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 7.
- Смирнов Е.Н. 2000. Научные аспекты Российско-американской программы по изучению амурского тигра: Докл. на международном семинаре. Пос. Терней. 12—16 апр. (в печати).

SUMMARY: The author of the article, Candidate of Biological Sciences Victor Gaponov depicts the character of Nature using in Primorskii krai and states that as early as 1930s of the 20th century, the necessity of surviving of the native population strained the double moral in using nature resources. Moreover, official apparatus, native population and nature live according to their own law disregarding the interests of each other. As an «ideal» example of this double moral in society as for using nature resources V. Gaponov tells that ginseng more and more becomes an article of the illegal market. One more similar situation is with Amur tiger, sika deer, Manchurian deer and the other animals of the Far Eastern taiga.